

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

УДК 281.93(09)(Р473.5)

DOI: 10.24411/2309-5164-2020-10203

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин),
кандидат богословия,
заведующий кафедрой Богословских дисциплин КоДС*

ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ В 1917 ГОДУ: КОНФЛИКТ ВОКРУГ КИНЕШЕМСКОГО ВИКАРИАТСТВА (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

В статье рассматриваются события марта – сентября 1917 года, связанные с событиями февральского переворота и их влиянием на церковно-приходскую жизнь в Костромской губернии. Описываются действия представителей духовенства и мирян Кинешемского викариатства Костромской епархии, в кампании по устранению от кафедры викария Костромской епархии епископа Севастиана.

Во второй части настоящей статьи рассматривается история конфликта вокруг Кинешемского викариатства Костромской епархии в период апреля – июня 1917 года.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Костромская епархия, Галичская епархия, Кинешемское викариатство, Февральская революция, Всероссийское Учредительное собрание, Священный Синод, Игрицкий монастырь, Макариево-Унженский монастырь, православное духовенство, революционные комитеты, епархиальная печать.
Цитирование: Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Из истории Костромской епархии в 1917 году: конфликт вокруг Кинешемского викариатства. Часть вторая // Ипатьевский вестник. – 2020. – №2. – С. 52-66.

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин)*

«Дело» владыки Севастиана рассматривалось и на внеочередном экстренном епархиальном съезде духовенства и мирян 19–25 апреля 1917 года

(наверное, самом «революционном» событии в Костромской епархии тех месяцев), созванном «для обсуждения вопросов, возникающих в связи с событиями последнего времени в государстве Российском» [10, с. 1]¹. В журнале № 10 съезда излагалось следующее постановление:

«По вопросу об увольнении на покой епископа Севастиана комиссия предлагает съезду принять следующее постановление:

Ввиду некорректного отношения епископа Севастиана к духовенству и вообще к костромской пастве, съезд духовенства и мирян предлагает епископу Севастиану совершенно изменить свои прежние отношения к пастве и иметь полное единение с ней.

Если бы епископ не изменил своего отношения, то исполнительному комитету настоящего съезда вменяется в обязанность возбудить ходатайство о немедленном удалении его из епархии и просить правящего епископа принять дела от викарного.

Постановление комиссии относительно епископа Евгения принимается единогласно без прений.

Без прений со всеми против одного принимается постановление относительно епископа Севастиана» [5, л. 24].

На первый взгляд такое решение выглядит жестким, но, по сути, оно ничего не меняло и не усугубляло конфликт (скорее его можно было рассматривать как попытку умиротворения недоброжелателей епископа Севастиана). Во всяком случае, кинешемские клирики и миряне на своих собраниях в июне 1917 года об этом постановлении даже не упоминали.

На Светлой седмице (Пасха в 1917 году приходилась на 2 апреля) дело о перенесении викариата из Кинешмы в Макарьев получило свое развитие. 5 апреля епископ Севастиан направил обер-прокурору В. Н. Львову письмо (ранее нами уже цитировавшееся), в котором подробно обрисовал свое служение в Кинешме и обстоятельства конфликта. К письму прилагалась копия донесения Кинешемского революционного комитета общественной безопасности, отправленного 18 марта в Кострому, в губернский объединенный комитет общественной безопасности. Любопытно, что и донесение из Кинешмы, и письмо владыки Севастиана обер-прокурору начинались с обсуждения вопроса о знакомстве викария с Дубровиным. Кинешемские революционные деятели заявляли: *«Епископ Севастьян, крайний реакционер-дубровинец по убеждениям, гордившийся своей дружбой с Дубровиным, всегда вел себя со своими подчиненными как сатрап, терроризировал духовенство в Кинешме, куда он очень часто [ездил? – М. Ф.], и теснил учителей церковно-приходских школ»* [5, л. 13]. Владыка такое обвинение отвергал: *«Это утверждение Кинешемского революционного комитета совершенно неверно: я не знаком с Дубровиным, никогда его не видал и ни пред кем не гордился дружбой с ним. Я не реакционер по своим убеждениям»* [5, л. 10].

Дальнейшее же разбирательство по вопросу о посохе оказалось почти анекдотическим, хотя и не слишком приятным для настоятеля Успенского со-

¹ Для облегчения восприятия, ссылки на архивные материалы приводятся в тексте статьи в квадратных скобках.

бора города Кинешмы протоиерея Иоанна Альтовского. На собрании кинешемского духовенства и мирян 25 июня 1917 года А. П. Дюпинский, депутат епархиального съезда (проходившего в Костроме с 9 по 15 июня), доложил о состоявшейся во время съезда беседе с епископом Севастианом и изложил мнение vicария по поводу мартовских событий: *«Главным виновником гонения на него епископ Севастиан считает протоиерея И. Альтовского, не без посредства и участия которого, по словам епископа, состоялось и постановление комитета, основание чему он находит и видит в обвинении его в дубровинстве. Здесь, по словам епископа, сыграл злополучную роль фиктивный финал с посохом, подаренным ему в бытность в городе Кологриве протоиереем собора, на каковом посохе выгравирован был инициал Дубровина, но не известного вождя «Союза русского народа», а церковного старосты кологривского собора, тоже Дубровина, подарившего протоиерею посох. Этот именно посох в руках епископа Севастиана усмотрел в Кинешме протоиерей отец Альтовский и, не зная настоящего значения инициала, сделал свое умозаключение, компрометирующее епископа, и поделился сим мнением с революционным комитетом»* [6, л. 7]. Протоиерей Иоанн Альтовский тут же возразил, утверждая: *«На постановление революционного комитета он лично не имел никакого влияния, в чем готов представить справку отсюда, и посоха владыки с инициалом Дубровина не бирал в руки, и умозаключений по этому поводу не делал»* [6, л. 8]. Впрочем, на наш взгляд, само предложение «предоставить справку» из революционного комитета вызывает сомнения в искренности соборного протоиерея.

В целом из донесения Кинешемского революционного комитета от 18 марта следует, что его руководители бесцеремонно пытались управлять церковной жизнью города: *«Известно, что Севастьян хочет провести страстную [Страстную седмицу – М. Ф.] и Пасху в Кинешме, но это с точки зрения Кинешемского комитета ни в коем случае не допустимо. Поэтому Кинешемский комитет еще раз просит Костромской комитет сообщить вновь со своей стороны Севастьяну, чтобы он воздержался от поездки в Кинешму, а также просит содействия в предпринятых Кинешемским комитетом шагах против Севастьяна пред обер-прокурором Синода посылкой со стороны губернского комитета такого же предложения обер-прокурору о желательности и необходимости увольнения Севастьяна на покой»* [5, л. 13 об.]. Владыка же Севастиан в письме от 5 апреля к обер-прокурору В. Н. Львову резонно замечал: *«Недоразумения 5 марта с Кинешемским революционным комитетом не делают меня непригодным к дальнейшему прохождению vicариятской службы»* [5, л. 11 об.].

В тот же день 5 апреля 1917 года В. Н. Львов направил в Синод письменное предложение: *«Имею честь предложить Святейшему Синоду отношение преосвященного Костромского от 13 минувшего марта за № 185 о переименовании епископа Кинешемского Севастиана в епископа Макарие-Унженского, с назначением ему для жительства города Макарьева»* [5, л. 1]. Так делу был дан официальный ход; впрочем, на фоне других проблем, действительно серьезных, этот вопрос выглядел рутинным, и Синод не слишком спешил

разрешать его окончательно. Тем временем успокаивались и кинешемские революционные власти. 12 апреля 1917 года епископ Севастиан обратился за разъяснениями в губернский комиссариат Временного правительства и получил оттуда ответ (правда, спустя более чем через месяц – 16 мая): «... уведомляю Вас, что препятствий к въезду в Кинешму в настоящее время не встречается» [6, л. 14а]. Казалось бы, проблема имела шансы разрешиться и без радикальных мер – но тут в дело очень некстати вмешалось духовенство кинешемского Успенского собора.

Эта малоприятная история впоследствии шумно обсуждалась на собраниях клириков и мирян города Кинешмы, притом излагалась в различных версиях. Во всяком случае, достоверно можно сказать, что 4 мая 1917 года епископу Евгению было отправлено такое заявление (копия его текста сохранилась в деле Святейшего Синода): *«Причт и староста Кинешемского Успенского собора осмеливаются сообщить Вашему Преосвященству, что частые посещения и служения в Кинешемском соборе епископа Севастиана, вследствие усвоенного им отношения к духовенству, для всех членов причта обременительны, для храма убыточны и при таких обстоятельствах не достигают цели – пастырского общения»* [5, л. 23]. Разумеется, сколько-нибудь решающего значения в церковно-административном плане такое заявление иметь не могло. Протоиерей Иоанн Альтовский впоследствии (на собрании кинешемского духовенства 21 июня 1917 года) оправдывался, что *«бумага соборян была частная просьба епископу Евгению, чтобы приезды епископа Севастиана имели мирный характер, и что он [протоиерей Иоанн – М. Ф.] думал, что епископ Евгений не даст никакого ходу этой бумаге, и что епископ Евгений пусть-де предупредит епископа Севастиана, чтобы его поездки в Кинешму были бы мирные и отеческие, поэтому наша бумага не могла быть мотивом о перемещении кафедры из Кинешмы, и, получив бумагу соборян, епископ Севастиан придал ей частный характер, а не общественный и не официальный, так как этой бумаге епископ в Синод не предъявлял»* [6, л. 3].

Нетрудно предположить, однако, что такая позиция соборного причта (когда конфликт уже был фактически урегулирован) епископа Евгения должна была озадачить, а епископа Севастиана с его горячим характером – могла просто оскорбить. 25 июня 1917 года И. М. Назаров говорил об этом: *«Докладная записка соборного причта от 4 мая изумила епископа Севастиана, так как в ней говорилось, что служение в соборном храме убыточно и для церкви, и обременительно для духовенства; ввиду этого выступления епископом Евгением вновь возбуждено было ходатайство о переводе викариатства в Макарьев, с указанием, что открылось новое обстоятельство, заставляющее так поступить...»* [6, л. 9]. Не исключено, что огорченный недоброжелательностью кинешемских соборян владыка Севастиан принял собственные меры для продвижения синодального решения: из протоколов собраний духовенства и мирян Кинешмы в июне 1917 года следует, что викарный епископ был хорошо знаком с протоиереем Феодором Филоненко, членом IV Государственной Думы от Подольской епархии, ставшим в 1917 году членом Святейшего Синода, и мог лично попросить отца Феодора о со-

действии. Протоиерей Иоанн Альтовский 21 июня заявлял: «... это послание [заявление соборян от 4 мая – М. Ф.] только ускорило решение этого вопроса тем, что владыка Севастиан частью писал протоиерею Филоненко ускорить ходатайство костромского епархиального начальства» [6, л. 2].

25 мая 1917 года Святейший Синод принял определение № 3416 по вопросу о Кинешемской кафедре. 30 мая это определение было пропущено к исполнению, то есть утверждено Временным правительством, «которое вместе с властью унаследовало (или, лучше сказать, узурпировало) от самодержавного строя право утверждения церковных решений» [11, с. 538]. Текст определения гласил:

«1917 года мая 25 дня. Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви слушали: предложенное г[-ном] синодальным обер-прокурором, от 5 апреля с.г. за № 2362, отношение преосвященного Костромского от 13 марта с.г. за № 185, в коем сообщая о том, что временный комитет общественной безопасности города Кинешмы предъявил викарию Костромской епархии епископу Кинешемскому Севастиану требование не являться в Кинешму и что оставление епископа Севастиана епископом Кинешемским при создавшихся отношениях к нему представляется неудобным, ходатайствует, в целях разрешения возникшего затруднения, о переименовании преосвященного Севастиана из епископа Кинешемского в епископа Макариево-Унженского с назначением ему местожительства в городе Макарьево и с поручением ему управления Макарьево-Кологривским, Ветлужским, Варнавинским и Юрьевоцким уездами. В случае переименования преосвященного Севастиана во епископа Макариево-Унженского, преосвященный Костромской просит Святейший Синод назначить епископа Севастиана настоятелем Макариево-Унженского монастыря, а нынешнего настоятеля сего монастыря архимандрита Виссариона переместить в Игрицкий монастырь, коим ныне управляет епископ Севастиан; средства же для содержания преосвященного викария оставить старые, то есть настоятельские доходы от монастыря и пособие от других монастырей.

ПРИКАЗАЛИ: Обсудив изложенное ходатайство преосвященного Костромского, Святейший Синод определяет: 1) викария Костромской епархии епископа Кинешемского Севастиана переименовать во епископа Макариево-Унженского с назначением ему местожительства в городе Макарьево и с поручением ему управления Макарьево-Кологривским, Ветлужским, Варнавинским и Юрьевоцким уездами, 2) назначить епископа Севастиана управляющим, на правах настоятеля, Макариево-Унженским монастырем, а нынешнего настоятеля сего монастыря архимандрита Виссариона переместить на таковую же должность в Игрицкий монастырь, коим ныне управляет епископ Севастиан, и 3) средства для содержания преосвященного викария Костромской епархии оставить прежние, то есть

настоятельные доходы от монастыря и пособие от других монастырей» [5, л. 4–4об.].

Однако история Кинешемского викариатства на этом отнюдь не завершилась. 3 июня 1917 года вопрос об епископской кафедре в Кинешме рассматривался окружным управлением духовенства Кинешемского 1-го округа. Согласно решению Костромского епархиального экстренного съезда духовенства и мирян 19–25 апреля 1917 года (журнал № 9), такие окружные управления пришли на смену прежним благочинным и благочинническим советам [12, л. 193–194]; Кинешемский 1-й округ соответствовал такому же прежнему благочинническому округу и объединял храмы уездного города. Окружное управление постановило: *«Так как кафедра викариатства в городе Кинешме в высшей степени желательна, особенно в настоящее тревожное время, когда необходимо полное единение епископа с клиром и мирянами для общего умиротворения, то принять все меры к тому, чтобы в городе Кинешме оставить викариатство, о чем сообщить в городскую управу, не признает ли она возможным внести этот вопрос на обсуждение городской думы в возможно ближайшем времени»* [5, л. 32]. На следующий день, 4 июня, в Кинешме прошло собрание городского духовенства и мирян, высказавшееся за сохранение Кинешемского викариатства. Также 4 июня мещанская управа Кинешмы провела собрание горожан (в котором участвовали 46 человек), составившее решение – «приговор»:

«Вследствие полученных сведений о том, что Кинешемская епархия [правильно: викариатство – М. Ф.] уничтожается и переходит в город Макарьев на реке Унже, и принимая во внимание, что Кинешемская кафедра существовала более 70 лет [правильно: более 50 лет – М. Ф.], что оставаться без архиерея жителям города нежелательно, тем более что город Кинешма расширяется [и] в промышленном отношении не уступает губернскому городу Костроме, обладает всеми учебными заведениями, единогласно приговорили: ходатайствовать где потребуется об оставлении в городе Кинешме епископской кафедры» [5, л. 33].

9 июня 1917 года в Костроме открылся очередной (после апрельского) епархиальный съезд духовенства и мирян, продолжавшийся до 15 июня. Депутаты съезда от Кинешемского 1-го благочиннического округа А. П. Дюпинский и И. М. Назаров, находясь в губернском городе, имели беседы с епископами Евгением и Севастианом о судьбе Кинешемской кафедры. Примечательно, что протоиерей Иоанн Альтовский – также бывший депутатом съезда – в этих встречах не участвовал и впоследствии делал намек «на нелегальный мотив представительства депутации епископу Евгению без него, протоиерея» [6, л. 7]. В частности, кинешемские депутаты-миряне сообщили управляющему епархией, что 4 июня 1917 года духовенство и представители мирян Кинешмы на своем собрании высказались за оставление в городе кафедры викарного епископа. А. П. Дюпинский на таком же собрании 25 июня описывал беседы, состоявшиеся в Костроме:

«Епископ Севастиан, по словам г[-на] Дюпинского, сообщает депутации, что первое пятно на него наложено Кинешемским революционным комите-

том, который сделал упрек ему, епископу, в реакционной проповеди в неделю Крестопоклонную в Кинешме и вообще в черносотенстве и дубровинстве, предлагаю ему более не посещать Кинешмы, и донес об этом телеграммой Святейшему Синоду и епископу Евгению. По этому оговору комитета епископ Севастиан имел объяснение пред Синодом и совершенно оправдался, вследствие чего Кинешемскому комитету чрез посредство губернского [комитета] предложено было снять свое обвинение как необоснованное, что последним и сделано. Итак, говорит епископ, он был чист и покоен за благоприятный исход, но вот, от 4 мая сего года на имя преосвященнейшего епископа Евгения поступила докладная записка от кинешемского соборного причта и старосты (копия с записки прочитана Дюпинским [в] собрании), и эта записка удручила его... [далее в тексте следует уже цитировавшийся нами фрагмент о посохе Дубровина – М. Ф.] (...)

Епископ Евгений, которому также представлялась депутация, высказался солидарно с епископом Севастианом и прибавил, что обвинение в черносотенстве скорее приложимо к нему, чем [к] епископу Севастиану. На высказанное депутатией пожелание духовенства и мирян города Кинешмы, зафиксированное протоколом от 4 июня сего года, об оставлении в Кинешме кафедры епископа, владыка сказал, что еще все можно поправить, если духовенство и миряне выскажутся снова в положительном смысле за кафедру и лично за епископа Севастиана и подадут прошение на имя его и в Святейший Синод о закрытии епископской кафедры в Макарьеве и сохранении ее на прежних основаниях в городе Кинешме» [6, л. 6 об. – 7].

И. М. Назаров на собрании 25 июня подтвердил сообщение А. П. Дюпинского о беседах, состоявшихся в Костроме, и добавил небезынттересную деталь: владыка Севастиан в ходе встречи с кинешемскими депутатами дал им прочитать частное письмо от протоиерея Феодора Филоненко, в котором тот сообщал «епископу Севастиану как своему хорошему знакомому» [6, л. 9] о состоявшемся решении Синода по кинешемскому вопросу.

Таким образом, состоявшаяся в Костроме встреча с кинешемскими депутатами епархиального съезда и их сообщения о решении собрания духовенства и мирян Кинешмы от 4 июня – о желательности сохранения Кинешемского викариатства – позволили епископу Евгению не торопиться с принятием практических мер для перенесения кафедры викарного епископа в Макарьев. Управляющий Костромской епархией с присущей ему опытностью в административных делах (которая, надо отметить, помогла Церкви на Костромской земле избежать многих характерных для революционного 1917 года потрясений) решил предоставить православным кинешемцам возможность самим исправить неприятную для них ситуацию. Когда же из Петрограда в Кострому поступил текст указа Синода от 31 мая 1917 года, излагающего содержание определения от 25–30 мая № 3416, епископ Евгений 22 июня наложил на него резолюцию: «Исполнение указа до времени выяснения обнаруживающихся новых обстоятельств отложить» [6, л. 1].

Справедливости ради следует сказать, что решение о назначении в Макарьев викарного епископа, судя по церковной прессе, имело и негативный

резонанс – в силу ли недовольства перемещением архимандрита Виссариона (о чем говорилось выше) или, возможно, из опасений, что новый vikарий активно займется укреплением «вертикали власти» в подведомственных ему уездах. В деле Святейшего Синода сохранилась копия заметки из «Всероссийского церковно-общественного вестника» от 13 июля 1917 года:

«Протест против назначения епископа.

Определением Святейшего Синода vikарный епископ Костромской епархии преосвященный Севастиан переименован из Кинешемского в Макарьев-Унженского с назначением ему местопребывания в городе Макарьеве на Унже и с подчинением ему пяти уездов: Макарьевского, Варнавинского, Ветлужского, Кологривского и Юрвецкого.

Нам сообщают, что граждане города Макарьева и духовенство пяти названных уездов выразили протест против назначения в Макарьев преосвященного Севастиана и возбудили ходатайство пред Святейшим Синодом о разрешении им произвести выборы Макарьев-Унженского епископа из своих кандидатов» [5, л. 26].

Судя по последней фразе, речь могла идти все же о перспективах архиерейской хиротонии архимандрита Виссариона. Однако других указаний на упоминаемое в заметке ходатайство в деле Синода не обнаруживается.

21 июня 1917 года в Кинешме состоялось общее собрание городского духовенства с участием двух мирян – И. М. Назарова и заместителя городского головы И. В. Барашкова. На этом собрании развернулась, мягко говоря, оживленная дискуссия о судьбе Кинешемского vikариатства – и прежде всего о той роли, которую сыграло заявление соборного причта и старосты от 4 мая. Так, в протоколе собрания отмечено: *«Священник П. Кудрявцев крикливым тоном заявляет, что так как все миряне желают епископа Севастиана, а священники, надев золотые кресты, не желают епископа, то это для пастырей стыд и позор, и [поскольку] далее оратор, находясь в крайне беспокойном состоянии, допустил резкие и оскорбительные выражения к собранию и в отдельности к соборному причту, то председатель трижды призывал оратора к порядку...» [6, л. 2 об.].* Наконец И. В. Барашков объявил, что вопрос о Кинешемской кафедре переносится на собрание, «имеющее быть 25 сего июня, и заявляет, что ввиду того, что его часто перебивают с мест и не дают ясно высказаться и что это не собрание, а какой-то базар, он не может окончить своей речи и покидает собрание (уходит)» [6, л. 3 об.].

После ухода И. В. Барашкова и сделанного на 5 минут перерыва собрание все же приняло решение:

«... председатель ставит на голосование вопрос об отмене определения Святейшего Синода относительно перенесения кафедры епископа в город Макарьев и возвращении этой кафедры в Кинешму на прежних основаниях.

Предложение это принято всеми членами собрания, кроме одного голоса» [6, л. 3 об.].

На следующий день, 22 июня, о судьбе vikариатства говорили в Кинешемской городской думе – по представлению городской управы, которая, в свою очередь, основывалась на процитированном выше постановлении

окружного управления духовенства Кинешемского 1-го округа. В журнале заседания думы говорилось:

«С своей стороны, признавая уничтожение городе Кинешме кафедры викаринства не только нежелательным, но и недопустимым, так как кафедра существовала более 50 лет и имела благотворное значение для населения города в смысле религиозном и благолепном архиерейском служении, которое совершалось в городских храмах с особенным усердием со стороны кинешемских викариев, городская управа вполне присоединяется к решению духовенства города Кинешмы и полагает возбудить ходатайство пред духовным начальством об оставлении епископской викарятской кафедры в городе Кинешме навсегда.

Городская дума постановила: согласиться с заключением городской управы по возбуждению ходатайства пред высшей духовной властью об оставлении епископской викарятской кафедры в городе Кинешме навсегда» [5, л. 32 – 32 об.].

25 июня духовенство и представители мирян Кинешмы и пригородных селений собрались в зале городской управы, чтобы окончательно разрешить вопрос о Кинешемском викарятстве; для извещения о предстоящем собрании по городу даже расклеивались специальные объявления. В деле Святейшего Синода имеется лишь краткий протокол этого мероприятия, по сути – отчет об итоговом голосовании [5, л. 31]; однако в архивном фонде Костромской духовной консистории сохранился подробный протокол с изложением прений, который мы уже неоднократно цитировали (документ выявлен и опубликован Е. Потехиной [1, с. 128–133]).

На собрании присутствовало 105 человек [5, л.20], священно- и церковнослужителей было не менее 33 человек (по явочному листу [6, л. 12 – 12 об.]), причем в протоколе отмечалось: «Во время собрания прибыло и еще порядочно лиц, которые в явочном листе не записаны» [6, л. 11 об.]. Повестка собрания формулировалась широко – «для разрешения вопроса о епископской кафедре в городе Кинешме и других вопросов, касающихся округа» [6, л. 6]. Председателем собрания избрали заместителя городского головы И. В. Барашкова, его товарищем (то есть заместителем) – председателя окружного управления духовенства Кинешемского 1-го округа священника Михаила Ширяева, секретарями – священника Николая Лебедева и В. И. Иванчикова.

Сначала собрание заслушало доклады депутатов епархиального съезда (проходившего 9–15 июня) от Кинешемского 1-го округа, посвященные итогам съезда, затем последовал доклад о текущей деятельности окружного управления. Наконец пришла очередь главной темы – судьбы викарятства. В протоколе указано: *«Далее детально и всесторонне обсуждается вопрос о епископской кафедре в городе Кинешме, об оставлении и сохранении ее здесь, а вместе с нею и епископа Севастиана. По сему вопросу высказывалось довольно много светских ораторов, в числе коих два из среды духовенства. Все они, детально разбираясь, приходили к единению и сливались в одной мысли – о желательности сохранения епископской кафедры в Кинешме на преж-*

них основаниях. Все принципиально не возражали против оставления на кафедре Кинешмы епископа Севастиана, кроме одного оратора, стоящего тоже за сохранение кафедры, но по отношению к личности епископа предлагающего применить выборное начало, вследствие тяжести характера епископа Севастиана, и лишь резко расходились в суждениях о причинах и виновника[x] закрытия здесь кафедры и перенесения ее в город Макарьев» [6, л. 6 – 6 об.]. Выступления некоторых участников этого собрания мы уже цитировали выше, поэтому отметим наиболее существенные моменты.

Депутаты епархиального съезда от Кинешмы А. П. Дюпинский и И. М. Назаров сообщили о беседах с епископом Севастианом и епископом Евгением в Костроме, недвусмысленно указывая на вину духовенства Успенского собора в сложившейся ситуации. Протоиерей Иоанн Альтовский выступил с возражениями, но напоследок заверил собрание, что он «желает сохранить кафедру епископа в Кинешме и ничего не имеет против пребывания здесь владыки Севастиана» [6, л. 7 об.]. Священник Успенского собора Николай Юницкий также пытался защитить своих сослужителей. Он изложил оригинальную версию развития событий, ссылаясь на некую справку и даже продемонстрировав этот документ И. В. Барашкову:

«Священник собора отец Николай Юницкий взволнованно говорит, что он как старик, прослуживший много лет, не может допустить возводимого на соборный причт неправильного обвинения. Он только что вернулся из Костромы, где навел официальную справку в канцелярии о том – когда и по чьей вине совершилось закрытие кафедры в Кинешме и перенесение ее в Макарьев. Наведенная справка (она тут же предъявлена председателю) показала, что Святейший Синод постановил закрыть кафедру здесь и перенести в Макарьев еще 5 апреля сего года, а бумага от соборного причта поступила только 4 мая, и теперь она еще хранится у епископа и в Синод не отослана. Как же она могла сыграть ту роль, которую ей навязывают депутаты? Не наша бумага, – говорит он, Юницкий, – но сам епископ Севастиан, получив извещение от революционного комитета, «убоялся страха, идеже не бе страха» [здесь отец Николай перефразирует слова Пс. 13, 5 – М. Ф.] и потому принял меры к своему переселению в Макарьев. Ссылка на нашу бумагу как главную виновницу всего есть чья-то намеренная измышленность, чтобы подорвать наш авторитет и возбудить известным образом горожан. Владыка действительно был тяжел для нас, но это все загладилось и забылось, если бы только он сам приехал сюда и поимел с нами объяснение» [6, л. 8 – 8 об.]

Поскольку эта версия имела хождение в дальнейших дискуссиях о судьбе Кинешемской кафедры, следует отметить: 5 апреля 1917 года дело о перенесении викариатства из Кинешмы в Макарьев было лишь представлено обер-прокурором В. Н. Львовым на рассмотрение Синода – о чем, возможно, и говорилось в справке, добытой священником Николаем Юницким. Таким образом, защита соборян от обвинений в свой адрес видится нам не вполне искренней.

Среди других выступавших на собрании, кроме уже цитировавшихся нами ораторов, были член окружного суда Н. А. Вознесенский и агент пароход-

ства А. А. Седов. Николай Аркадьевич Вознесенский (которого вскоре, 9 августа 1917 года, изберут членом Поместного Собора Православной Российской Церкви от мирян Костромской епархии) пытался смягчить остроту прений по поводу вины соборян, при этом всячески поддерживал владыку Севастиана:

«... выступает с веским и прочувствованным словом Н. А. Вознесенский. Он, как член окружного суда, с юридической точки зрения не допускает мысли, чтобы частная бумага одного соборного причта сыграла решающее значение в епископской кафедре. Он, как частый посетитель собора, близкий к старосте и причту, не слышал, чтобы тот и другой говорили худое про епископа Севастиана и тяготились его посещением. Он всегда любил архиерейское служение, лично восторгался богослужением епископа Севастиана и находил его истовым и благоговейным. Обвинение его со стороны революционного комитета в черносотенной проповеди неправильно, так как он, Вознесенский, сам слышал эту проповедь. Епископ, по его мнению, был прогрессивного направления, а не реакционного и черносотенного, и своей проповедью в неделю Крестопоклонную он всех призывал к миру и единению; относительно обвинения епископа в дубровинстве он сообщает, что лично знаком с церковным старостой города Кологрива г[-ном] Дубровиным и вполне верит объяснению епископа об инциденте с посохом. В заключение Вознесенский просит собрание ходатайствовать, чтобы кафедра осталась в Кинешме и епископ Севастиан был нашим епископом» [6, л. 8 об. – 9].

Трогательно описывается в протоколе выступление А. А. Седова: «С безыскусственной в смысле литературной красоты, но зато с горячей и искренней речью выступил убеленный сединой агент пароходства А. А. Седов. Я был, – говорит он, – когда-то старообрядцем, а теперь истинный сын Церкви. Много раз в Москве и других местах я малывался за архиерейскими служениями, был знаком с некоторыми епископами и беседовал с ними. Здесь, в Кинешме, близко сошелся с епископом Севастианом и горячо полюбил его за энергичность и истовую службу. Пусть он немного грубоват в обращении с духовенством, в чем и сам он сознавался, объясняя это своим воспитанием, но зато как он любил Кинешму, в которую спешил всегда как в родное гнездо. Я знаю, что очень много после приездов епископа в Кинешму благодарили его и просили снова приехать, довольные архиерейской службой. Что же теперь мы видим? В ответ на это я приведу сравнение такого рода. Когда Христос въезжал на осле во Иерусалим, то толпа кричала Ему в восторге «Осанна», бросала ветки и подстилала одежды, а через несколько дней та же толпа неистовствовала в криках: «Распи, распи Его». Не подобная ли этому картина получается и у нас в Кинешме? Нет, – владыка Севастиан нам нужен и желателен, и я прошу горожан похлопотать о возвращении кафедры в Кинешму и готов за это земно всем поклониться» [6, л. 9 об.].

Разительно отличалось от этих речей выступление члена Кинешемского революционного комитета А. С. Серафимова; впрочем, в протоколе собрания он указан как «бывший член» комитета [6, л. 10]. Соглашаясь с необходимостью сохранения викариатства в Кинешме, этот оратор резко выступал против владыки Севастиана:

«... он, Серафимов, недоумевают, почему в собрании речи идут не о епископской кафедре и епископе Севастиане, а об обвинении соборного причта. Касающаяся постановления революционного комитета, в котором и он принимал участие, г[-н] Серафимов защищает одно из обвинений епископа Севастиана со стороны комитета, а именно – в черносотенной проповеди, но комитет сделал это по слухам от богомольцев. Один молящийся сообщил комитету о следующем выражении в проповеди епископа: «Россия переживает теперь тяжелый крест». Быть может, епископ Севастиан говорил здесь о Кресте Христовом и несении его вообще, но некоторыми богомольцами и комитетом понято было так это выражение, что наступившая новая светлая пора есть, по мнению владыки, крест. Комитет, по словам г[-на] Серафимова, не увольнял епископа, как это применялось к губернаторам, исправникам и другим, но только характеризовал его как человека деспотичного и грубого, и он действительно, – говорит оратор, – был таков. Далее г[-н] Серафимов стал рисовать картины грубых деяний епископа при служении в соборе, но бурным протестом собрания был остановлен и лишен слова, и лишь призыв председателя успокоил волнующихся, и в силу того, что всем предыдущим ораторам дана была полная свобода слова, им предложено было г[-ну] Серафимову продолжать свою речь.

В дальнейшей речи он, возражая учителю Тонкову, характеризовавшему епископа Севастиана как опытного педагога, доказывал, что епископ Севастиан не был таковым, а отличался грубостью обращения с законоучителями и некоторых сменил даже. О таких деяниях его сообщено было директору народных училищ, а тот донес в свою очередь куда следует, и епископу Севастиану предложено было изменить и смягчить свой педагогический такт. В заключение г[-н] Серафимов предлагает ходатайствовать о сохранении в Кинешме епископской кафедры, но к личности епископа применить выборное право» [6, л. 10 – 10 об.].

Сам по себе факт участия члена (или бывшего члена?) революционного комитета в собрании духовенства и мирян для того времени не был чем-то экстраординарным. Напомним: объявления о предстоящем мероприятии развешивались по городу, что подразумевало приглашение к участию всех желающих. Другое дело, что позиция А. К. Серафимова, на наш взгляд, выглядит обусловленной какими-то личными причинами, откровенной неприязнью по отношению именно к епископу Севастиану. Во всяком случае, из этого выступления нетрудно сделать вывод – кто мог являться инициатором действий Кинешемского революционного комитета общественной безопасности против викарного епископа в марте 1917 года.

В заключительной части собрания председательствующий И. В. Барашков подвел итоги обсуждения, разделив «все дебаты на два вопроса: а) о необходимости сохранения в Кинешме епископской кафедры, и б) о желательности оставления на ней епископа Севастиана» [6, л. 10 об.]. По первому вопросу разномыслия не наблюдалось, по второму же вопросу И. В. Барашков заявил, что, вполне присоединяясь к мнению И. М. Назарова, «он находит возможным и нужным ходатайствовать пред епископом Евгением и Святейшим Синодом о возвращении епископской кафедры из города Макарьева в Ки-

нешму, [и] с другой стороны – об оставлении на Кинешемской кафедре епископа Севастиана» [6, л. 10 об.]. Председатель собрания не обошел вниманием и имеющиеся проблемы, но смотрел на них оптимистично: «Надеюсь, – говорит г[н] Барашков, – что епископ Севастиан для Кинешмы будет полезен, а потому и желателен. Резкость в характере он, несомненно, изменит, в чем он сам свидетельствовал депутации и сердечно сознался» [6, л. 11 – 11 об.].

Собрание завершилось голосованием:

«После всего председателем ставятся на голосование два вопроса:

1. Нужна ли в Кинешме епископская кафедра или нет?

Вопрос решен в положительном смысле чрез поднятие рук единогласно.

2. Нужен и желателен ли на Кинешемской кафедре епископ Севастиан?

Вопрос решен в положительном смысле чрез поднятие также рук единогласно, против одного и при одном воздержавшемся.

Ходатайство о перенесении кафедры из города Макарьева в Кинешму возбудить немедленно как пред епископом Евгением, так и Святейшим Синодом, и поручить привести в исполнение окружному управлению» [6, л. 11].

Сразу же после 25 июня в храмах города Кинешмы начался сбор подписей клириков и прихожан в поддержку решения собрания.

Окончание статьи в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потехина Е. Епископы Кинешемские. Викарии Костромские. Уроки истории. Б.м.: «Издательские решения», б.г.
2. Объявление. От Костромской духовной консистории // КЕВ. – 1905. – 1 августа. – № 15. – Отдел I, часть официальная. – С. 185–186.
3. Епархиальная хроника // КЕВ. – 1905. – 1 ноября. – № 21. – Отдел II, часть неофициальная. – С. 668–671.
4. Журналы съезда духовенства Кинешемского училищного округа // КЕВ. – 1905. – 1 декабря. – № 23. – Отдел I, часть официальная. – С. 324–326.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 204. – Д. 94.
6. Государственный архив Костромской области. – Ф. 130. – Оп. 10. – Д. 346.
7. От исполнительного комитета духовенства города Костромы. Журнал № 1. 4–12 марта 1917 года // КЕВ. – 1917. – 1 апреля. № 7. – Отдел официальный. – С. 86–87.
8. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. – М.: Индрик, 2006.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2645.
10. Журнал № 4 [объединенного собрания духовенства города Костромы 26 марта 1917 года] // КЕВ. – 1917. – 15 апреля. – № 8. – Прибавление к официальной части.

11. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002.
12. Журнал № 9 собрания объединенного духовенства и представителей прихожан церквей города Костромы [29 мая 1917 года] // КЕВ. – 1917. – 15 июня. – № 12. Отдел официальный. – С. 192–198.
13. КЦОВ. – 1917. – 22 августа. – № 7. – Отдел официальный.
14. Указ из Святейшего Правительствующего Синода преосвященному Евгению, епископу Костромскому и Галичскому // КЦОВ. – 1917. – 1–8 октября. – № 12–13. – С. 72–73.

*Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
Ferafont (Kashin),*

*Candidate of Theology, Head of the Department of Theological Disciplines of
Kostroma theological seminary*

**FROM THE HISTORY OF THE KOSTROMA DIOCESE IN 1917:
THE CONFLICT AROUND KINESHEMA VICARIATION
(Part two)**

The article discusses the events of March – September 1917, related to the events of the February coup and their influence on the parish life in the Kostroma province. Describes describes the actions of representatives of the clergy and laity of the Kineshma vicariate of the Kostroma diocese, in a campaign to eliminate bishop Sevastian from the Vicar Chair of the Kostroma diocese.

The second part of this article discusses the history of the conflict around the Kineshma vicariate of the Kostroma diocese during the period during the period from April up to June 1917.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Kostroma diocese, Galich diocese, Kineshma vicariate, February Revolution, All-Russian Constituent Assembly, Holy Synod, Igritsky monastery, Makariyevo-Unzhensky monastery, Orthodox clergy, revolutionary committees, diocesan press.*

Citation: *Ferafont (Kashin), Met. Kostroma and Nerekhta. From the history of the Kostroma diocese in 1917: the conflict around Kineshma Vicariate. Part one // Ipatievsky vestnik. – 2020. – № 1. – P. 52-66.*

REFERENCES

1. Potekhina Ye. Yepiskopy Kineshemskiyе. Vikarii Kostromskiyе. Uroki istorii [Bishops of Kineshma. Vicars of Kostroma. The lessons of history]. В.м.: «Izdatel'skiye resheniya», b.g.
2. Ob'yavleniye. Ot Kostromskoy dukhovnoy konsistorii [Announcement. From the Kostroma Spiritual Consistory] // КЕВ. – 1905. – 1 avgusta. – № 15. – Otdel I, chast' ofitsial'naya. – S. 185–186.
3. Yeparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle] // КЕВ. – 1905. – 1 noyabrya. – № 21. – Otdel II, chast' neofitsial'naya. – S. 668–671.

4. Zhurnaly s'yezda dukhovenstva Kineshemskogo uchilishchnogo okruga [Magazines of the congress of the clergy of the Kinesham school district] // KEV. – 1905. – 1 dekabrya. – № 23. – Otdel I, chast' ofitsial'naya. – S. 324–326.

5. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [The Russian State Historical Archive]. – F. 796. – Op. 204. – D. 94.

6. Gosudarstvenniy arkhiv Kostromskoy oblasti [The state archive of the Kostroma region]. – F. 130. – Op. 10. – D. 346.

7. Ot ispolnitel'nogo komiteta dukhovenstva goroda Kostromy. Zhurnal № 1. 4–12 marta 1917 goda [From the executive committee of the clergy of the city of Kostroma. Journal No. 1. March 4–12, 1917] // KEV. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otdel ofitsial'niy. – S. 86–87.

8. Rossiyskoye dukhovenstvo i sverzheniye monarkhii v 1917 godu. (Materialy i arkhivniye dokumenty po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi) [The Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917. (Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church)] / Sost., avtor predisloviya i kommentariyev M. A. Babkin. – M.: Indrik, 2006.

9. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. – F. 796. – Op. 442. – D. 2645.

10. Zhurnal № 4 [ob'yedinennogo sobraniya dukhovenstva goroda Kostromy 26 marta 1917 goda] [Magazine No. 4 [of the joint meeting of the clergy of the city of Kostroma on March 26, 1917]] // KEV. – 1917. – 15 aprelya. – № 8. Pribavleniye k ofitsial'noy chasti.

11. Firsov S. L. Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.) [The Russian Church on the eve of change (late 1890s - 1918)]. – M.: Kul'turniy tsentr «Dukhovnaya Biblioteka», 2002.

12. Zhurnal № 9 sobraniya ob'yedinennogo dukhovenstva i predstaviteley prikhozhan tserkvey goroda Kostromy [29 maya 1917 goda] [Journal No. 9 of the meeting of the united clergy and representatives of parishioners of the churches of the city of Kostroma [May 29, 1917]] // KEV. – 1917. – 15 iyunya. – № 12. – Otdel ofitsial'nyy. – S. 192–198.

13. KTSOV. – 1917. – 22 avgusta. – № 7. – Otdel ofitsial'niy.

14. Ukaz iz Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda preosvyashchennomu Yevgeniyu, yepiskopu Kostromskomu i Galichskomu [Decree from the Most Holy Governing Synod to His Grace Eugene, Bishop of Kostroma and Galich] // KTSOV. – 1917. – 1–8 oktyabrya. – № 12–13. – S. 72–73.